

- напоминание читателю о ценности жизни;
- призыв к читателям ценить жизнь, уважать ветеранов и помогать им.

Библиографический список

1. Павлова, В. Письма в соседнюю комнату: тысяча и одно объяснение в любви / Вера Павлова. – М., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 317 с.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Турина А.В.

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
 Научный руководитель – Козубовская Г.П., доктор филол. наук, профессор

«КОНТРАБАНДИСТЫ И БАНДИТЫ» [1] В «КРЫМСКОМ ТЕКСТЕ» М. ЦВЕТАЕВОЙ: РОМАНТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ [2]

В «крымский текст» М. Цветаевой [3], который в отечественном цветаеведении до сих пор остается не исследованным, в соответствии с нашей методологией исследования, должно быть включено стихотворение «Контрабандисты и бандиты» (1911), посвященное мужу М. Цветаевой Сергею Эфрону.

Основание для этого – затекстовые реалии – авторские пометы, реконструирующие биографический контекст (дата и антропоним, указывающий на место написания).

Биографический контекст позволяет понять и сам текст и его подтекст.

Еще до свадьбы М. Цветаева писала М. Волошину: «Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить! Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, – мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь...» [14, 6/1, с. 55]. Письмо раскрывает характер отношений: она – «старшая», перешагнувшая через свой возраст, сразу повзрослевшая, вступающая в новую жизнь, которая потребует и в дальнейшем свершения невозможного.

Затекстовая пометка «Змеиный грот. 1911» – один из ключей к тексту.

Змеиная пещера, Змеиный грот – трехэтажная пещера, имеющая историю в несколько тысяч лет, – уникальное природное явление, ценный памятник природы и загадочное, красивое место. Змеиной пещера названа не потому, что здесь обитают змеи, такое название дано пещере из-за ее извилистой формы [см.: 7].

Упоминания о Змеином гроте неоднократны в прозе М. Цветаевой. Как показал М. Волошин, это место стало особенно посещаемым Мариной и ее друзьями.

Змеиный грот – место своеобразного паломничества, он фигурирует в упоминаниях съемок для фото. Например, в письме М.М. Фельдштейну от 7-го мая 1913 г.: «Потом мы будем пить чай на террасе, – без конфет, но с радостью. А когда стемнеет, будем проявлять. (Сегодня мы три раза снимали море за Змеиным гротом.) Потом пойдем за калитку и увидим восход луны» [14, 6/1, с. 109]. Или: «Сегодня Сережа, Сокол и я были за Змеиным гротом, дальше того места, где я Вас с Сережей снимала. Мы взобрались на острую, колючую скалу и сидели, свесив ноги. Были огромные, бешеные волны» [14, 6/1, с. 109]. Орфический миф проецируется на историю отношений Цветаевой и Эфрона.

Посвящение С. Эфрону, указывающее на адресата, вводит мифопоэтический подтекст.

Как отмечает М. Полянская, «...в контексте коктебельской атмосферы имя “Эфрон” могло показаться Цветаевой судьбоносным из-за созвучия со словом “Орфей”» [см.: 8], [4]. Согласно гипотезе Е. Дайс, а вслед за ней М. Полянской, в судьбе Марины «довоплотилась»

несостоявшаяся любовь матери: имя первого возлюбленного матери Марины – Сергей Э. – не расшифровано [см.: 3; 8].

Летом 1911 года М. Волошин показал М. Цветаевой «реальный» вход в царство Аида, о чем она и вспоминает в очерке «Живое о живом»: «– А это, Марина, вход в Аид. Сюда Орфей входил за Эвридикой. – Входим и мы. Света нет, как не было и тогда, только искры морской воды, забрасываемой нашими вёслами на наседающие, наседающие и всё-таки расступающиеся – как расступились и тогда – базальтовые стены входа. Конца гроту, то есть выхода входу, не помню; прорезали ли мы скалу насквозь, то есть оказался ли вход воротами, или, повернув на каком-нибудь морском озере свою рыбу-пилу, вернулись по своим, уже сглаженным следам, – не знаю. Исчезло. Помню только: *вход* в Аид» [14, 4/1, с. 195].

Ассоциации Змеинового грота с Аидом неслучайны: в мифе об Орфее и Эвридике похищение Эвридики связано с укусом змеи [2, с. 656]. Неслучайна и утрата памяти автором мемуарного очерка в эпизоде посещения. Орфический мотив – один из центральных в поэзии Серебряного века [см.: 1].

На наш взгляд, «крымский текст» Цветаевой формируется несколькими мотивами: во-первых, акватическим (морским), имплицитно присутствующим в поэтическом тексте, а также мотивами странничества и странности (надмирности), разбойничьей романтики, приключений и авантюризма.

Имплицитно существующий в тексте акватический мотив, косвенно присутствуя в оценке здешнего пространства («наши ровные места»), создает подтекст: ощущается тоска по иному пространству (в данном случае: не инобытийному). Непроявленное «морское», создав игру текста с подтекстом, сближает лирического персонажа и героиню Цветаевой, остающуюся за текстом (в имени «Марина», как известно, отголоски морской стихии). Тем не менее, «двойничество» пунктирно намечено.

В основе «двойничества» – «книжный» код.

Лирический персонаж стихотворения – впечатлительный, задумчивый мальчик, читающий книгу и мечтающий о приключениях. Это еще одна из ипостасей «идеального» героя цветаевских «эфроновских циклов» – «книжный мальчик». «Контрабандисты и бандиты» – литературная формула, отсылающая к книгам, где разбойники не только смелы и безоглядно отважны, но и благородны.

В название стихотворения вынесена только одна строка, ставшая лейтмотивом и напоминающая своим повтором движение волны. Сам факт выделения этой строки содержит необходимость подчеркнуть основную тему, главные две составляющие стихотворения – контрабандисты и бандиты.

Семантика книги в разных культурах послужила ключом к расшифровке «книжного» кода М. Цветаевой [см.: 4].

Отношение М. Цветаевой к книге сложилось под воздействием многих факторов (семья, окружение, общая атмосфера культуры конца XIX-начала XX вв.); сама она выделяла два: «Слитное влияние отца и матери – спартанство. Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей» [14, 4/2, с. 210]. И, конечно, книжные пристрастия определялись в первую очередь влиянием матери, Марии Александровны Мейн. От нее же восприняла М. Цветаева и культ книги. В попытке преодоления материнского романтизма – источник отрицания поздней М. Цветаевой «книжности» в пользу творчества.

Через «книжность» персонажа раскрывается лирический конфликт стихотворения – столкновение мечты и действительности. В стихотворении сосуществуют два мира: мир реальный и мир мечты.

Лирический персонаж – чахоточный ребенок – живёт в мире выдуманных историй о контрабандистах, кинжалах, пистолах, воспринятых от чтения приключенческой литературы, как будто ощущая недоступность для себя подобного образа жизни.

Мальчик – не от мира сего – переживает раздвоение. Всё реальное перестаёт существовать, стоит ему только взять книгу в руки. Настоящая реальность для него не в том,

что за окном, а в авантюрной, «разбойничьей» поэзии, в жизни людей, стоящих по другую сторону закона. В «пиратской» доле – чрезмерность, бьющая через край жажда жизни и обретение ее полноты в абсолютной свободе.

Устремленность к иному миру обозначена в композиции стихотворения – в последовательном снижении ценностей посюстороннего мира и замещении их другими. Выпадение из мира реального, «надмирность», отказ от его ценностей – здесь как своеобразное возвращение в природу, «одичание», уподобление животному – серне. В этой метаморфозе подчеркнуто, с одной стороны, «остранение» («глазами серны»), с другой – родство (источник грации, изящества, благородства – в естественной и молчащей природе). Персонаж, уже подвластный миру мечты, отлучен от «человеческого»: в данном контексте «человеческое» – синоним «скучного», «прозаического», «приземленного».

В каждой строфе – атрибуты авантюрного мира, символизирующие его.

Полное уничтожение реальности земного мира, обесценивание земного – в словах аббата, возводящего «конкретное», «эмпирическое» к праху.

Мечта одновременно противостоит и серости повседневной бытия с его скучной нормой, и «высоким истинам» религии, перечеркивающим посюстороннее бытие и превращающим его в призрачное.

Повторы здесь семантически многозначны. Благодаря им, внимание читателя фиксируется на атрибутах мира бандитов, романтизируемых поэтом. При неизменности одного слова изменяется другое, конкретизируя иную реальность, овеществляя ее. Иной мир сотворяем сиюминутно.

«Темнота» амбивалентна: как принадлежность мира реального она утрачивает семантику «ужасного», «пугающего», замещаясь романтической мечтой. «Темное» соотносится с «тайным», «желанным», «притягательным». «Окно» становится символическим прорывом в иной мир. Взгляд остающейся за текстом героини – взгляд не просто любящей женщины, но скорее матери.

Не исключено, что литературный мотив контрабандистов вошел в это стихотворение через русского поэта-романтика М.Ю. Лермонтова. Прямых указаний на это мы не нашли. Круг чтения юной Цветаевой в исследованиях ограничен: преимущественно западная литература, немного из «детской» и, конечно, А.С. Пушкин [см.: 10; 4]. Но некоторые факты указывают на определенный интерес Цветаевой именно к М.Ю. Лермонтову [5]. Мотив одиночества, один из ведущих в поэзии М. Цветаевой, сближает ее поэзию с поэзией М.Ю. Лермонтова [см.: 9]: символика одиночества воплощена в парусе («Белеет парус одинокий...»), оппозицией покой/буря также обозначены точки пересечения двух поэтических миров [6]. Свободолюбивые контрабандисты – персонажи лермонтовской «Тамани» – созвучны с душой «книжного мальчика» [7].

Наконец, в стихотворении пока лишь намечено «очарование зла» [8] от соприкосновения с темной стихией, что впоследствии приведет к трагедии С. Эфрона и М. Цветаеву.

Примечания

1. Текст стихотворения приводим полностью.

Контрабандисты и бандиты

Сереже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта –
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.

Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта –
Контрабандисты и pistols!

Что все мирское суета
Пусть говорит аббат сердитый, –
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Коктебель. Змеиный
грот. 1911

[14, 1/1, с. 157-158]

2. Данная статья является фрагментом дипломной работы, материалы которой были частично изложены в двух статьях: Турина, А. «Крымский текст» М. Цветаевой // А. Турина // Педагогическое образование на Алтае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.altspu.ru/info/journal/vestnik/13078-nomer-2-2013.html>. – Заглавие с экрана; Турина, А. «Крымский текст» М. Цветаевой: коктебельские страницы / А. Турина // Педагогическое образование на Алтае. – 2014. – С. 104-108.

3. Мы опираемся на понятие «крымского текста», введенное в научный оборот А. Люсым [см.: 5, 6]. Понятие введено по аналогии с «петербургским текстом», принадлежащим В.Н. Топоровым [см.: 11, 12].

4. Согласно гипотезе Е. Дайс, чуть ли не главной причиной рокового знакомства являлось имя. Для Цветаевой оно ассоциировалось с Орфеем. Имя Орфей можно читать справа налево, то есть наоборот (Орфеус – почти зеркальное отражение С. Эфрон: *С – ефро – Орфе – у – с*), и в этом отзвуки мифа: Орфей, спустившийся за Эвридикой в Аид, роковым образом оглянулся на Эвридику, вопреки уговору, когда выводил её из царства мрачного Аида, тем самым окончательно погубив её [2].

5. См. в статье В. Босенко: Босенко В. Михаил Лермонтов в переводах Марины Цветаевой // Октябрь. – 2010. – № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2010/11/le2.html>. «Кажется, хорошо», – приписала Марина Цветаева под своим французским переводом классического «Выхожу один я на дорогу...» (подпись под переводом – 29 июля 1939 г.).

6. В качестве гипотезы предлагаем рассматривать интертекстуальные переключки стихотворения Цветаевой со стихотворением Лермонтова «Парус» и некоторыми мотивами «Героя нашего времени» (повесть «Тамань», в которой фигурируют контрабандисты, и финал «Княжны Мери», где Печорин сравнивает себя с матросом, рожденным на палубе морского брига). Мотив листка, оторвавшегося от ветки, у Цветаевой обыгран: «похвальный лист» из школы – ненужная роскошь для книжного мальчика, погруженного в мир мечты.

7. Девушка-контрабандистка названа Печориным Ундиной. «Ундина» (романтическая повесть Ф. де Ламотт Фуке, переведенная на русский язык стихами В.А. Жуковским) – одно из любимейших произведений Цветаевой в раннем детстве [см.: 10, с. 3]. В «Ундине» также обозначается акватический код.

8. Это формула из эссе «Пушкин и Пугачев»: «В Пугачеве Пушкин дал самое страшное очарование: зла, на минуту ставшего добром, всю свою самосилу (зла) перекинувшего на добро. Пушкин в своем Пугачеве дал нам неразрешимую загадку: злодеяния – и чистого сердца. Пушкин в Пугачеве дал нам доброго разбойника. И как же нам ему не поддаться, раз мы уже поддались – просто разбойнику?» [14, 5/2, с. 199]. Эта формула использована в заглавии фильма М. Козакова о русской эмиграции (2006).

Библиографический список

1. Асоян, А.А. Орфические мотивы в русской поэзии XX века. Текст / А.А. Асоян // Русская литература XX – XXI вв.: направления и течения: Вып.6. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – С.67 – 78.
2. Ботвинник, М.Н. Эвридика / М.Н. Ботвинник // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. II. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 656. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mifinarodov.com/e/evridika.html>.
3. Дайс, Е. Марина и Орфей / Е. Дайс // Нева. – 2006. – №8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/8/dal11.html>.
4. Данилова, Т.А. Книжный код в творчестве М. Цветаевой. Дисс...канд. филол. наук / Т.А. Данилова. – Самара 2007. – 198 с.
5. Люсый, А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дисс. ... канд. культурологических наук / А.П. Люсый. – М., 2003. – 186 с.
6. Люсый, А.П. Крымская тема как до-текст (архитекст) Крымского текста / А.П. Люсый. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/lusy?library=398>.
7. Пещеры Симферополя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://otdyhaem.com.ua/krym/simferopol/zmeinaja-pewera.html>.
8. Полянская, М. Неотвратимость коктебельской встречи: Марина Цветаева и Сергей Эфрон. 2014 / М. Полянская. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/blog/17506>.
9. Ситдикова, Г.Ф. Мотив одиночества в лирике М.Ю. Лермонтова и М.И. Цветаевой /
10. Г.Ф. Ситдикова. Автореферат дисс. ...канд. филол. наук / Г.Ф. Ситдикова. – Стерлитамак, 2008. – 23 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/motiv-odinochestva-v-lirike-m-yu-lermontova-i-m-i-tsvetaevoj>.
11. Стрельникова, Н.Д. Круг чтения и его отражение в ранней лирике М. Цветаевой: 1910-1913 гг.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Н.Д. Стрельникова. – СПб., 2009. – 27 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spbu.ru/files/upload/disser/philology/2009/strelnikova.pdf>.
12. Топоров, В.Н. Петербургский текст / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 2009. – 819 с. (Серия «Памятники отечественной науки. XX век»).
13. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс: Культура, Б.г., 1994. – 621 с.
14. Топоров, В.Н. Вода / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Т. I. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 240
15. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / М.И. Цветаева. – М.: Terra – TERRA, Книжная лавка РТР, 1997. Т. 1/1. – 336 с.; Т. 1/2. – 320 с.; Т. II. – 592 с.; Т. 4/1. – 412 с., Т. 4/2. – 272 с., Т. 5/2. – 395 с., Т. 6/1. – 335 с.